

Р.А. Савушкин

Религия и философия: один объект познания, разные подходы, но достойные результаты

Оглавление

- 1. Герои повествования**
- 2. Может ли религия стать наукой?**

Послесловие

Религия и философия: один объект познания, разные подходы, но достойные результаты

1. Герои повествования

Мы используем терминологию художественной литературы. Ну, какие они герои? – С.Л. Франк, человек, образ которого я попытаюсь представить читателю, Э. Шмелёв и А. Старостин? Это люди, работающие в сфере науки. И там вроде бы нет необходимости идти в атаку под огонь вражеских пулемётов, бросаться на амбразуру вражеского дота, прикрывая своим телом своих боевых товарищей, штыком и гранатой уничтожать врага. «Вроде бы нет». А в жизни? Судите сами.

Семён Людвигович Франк 16 (28) января 1877, Москва, Российская империя – 10 декабря 1950, Лондон, Великобритания) – русский философ и религиозный мыслитель.

На науку смотрел как на сферу борьбы против несвободы. Царское правительство в 1899 году выслало Франка из России за пропаганду марксизма, советское правительство в 1922 выслало его вместе с единомышленниками за пропаганду религиозной философии и неприятие идей переустройства общества на принципах чуждой ему диктатуры. Так герой он или не герой? Согласен с Вами, что к тому же он и страдалец.

Вряд ли два других действующих лица, Старостин и Шмелёв, в полной мере заслуживают эту высокую оценку. Но согласитесь, и им пришлось проявить

достаточно мужества, чтобы в сложных условиях оставаться верными своим идеалам и своей выстраданной вере.

Началось всё с горячей дискуссии, разгоревшейся в небольшой группе единомышленников. Разговор шёл о соотношении религии и науки. Скажем, тема давняя, но до конца нерешённая, да и сегодня мнений на этот счёт множество. Обостряло ситуацию ещё и то, что тема напрямую была связана с готовящимся научным трудом.

Через два дня после встречи друзей Старостину (в повествовании я для удобства изложения займу его место и буду здесь выполнять его роль) позвонил Шмелёв...

Итак, мне позвонил один из самых закадычных друзей и каким-то необычным голосом спросил меня, знаю ли я С.Л. Франка. Чтобы снять неловкость от того, что с духовным наследием Семена Людвиговича Франка (1877-1950) у меня было только самое поверхностное знакомство. Я решил отделаться шуткой.

– Ты знаешь, намерены мы виделись на переходе в метро. Он по-прежнему выглядит молодцом. Борода только немного поседела. С ним были Павел Александрович Флоренский (1882-1943) и Николай Александрович Бердяев (1874-1948). Возглавлял компанию их идейный учитель Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900). Потом подошли братья Трубецкие, Сергей Николаевич (1862-1905) и Евгений Николаевич (1863-1920). Франк меня представил. Постояли, поговорили о том, о сем. Все жаловались на высокие цены и маленькую пенсию. Беда...

– Послушай, мне не до шуток, – прервал он мои излияния. – Давай выкладывай всё, что знаешь о Франке. В ближайшее время, мне кажется, тебе придётся серьезно заняться рассмотрением его идей.

– А я-то думал, что мне осталось только встретиться с кем-нибудь ещё из их компании.

– Одно другому не мешает. Итак, что ты знаешь о Франке? Я тебя слушаю.

– Из биографических сведений запомнилось, что он не устраивал ни царское правительство, ни советскую власть. Николай II в 1899 году выслал Франка из России за пропаганду марксизма, В.И. Ленин в 1922 выгнал его вместе с единомышленниками за пропаганду религиозной философии и неприятие идей социализма. После первой высылки жил и работал в Германии, затем вернулся в Россию, занимался преподавательской и научной деятельностью. Перед вторым изгнанием был заведующим кафедрой философии Московского университета. В какой-то степени мы с тобой можем отнести себя к его последователям. В эмиграции жил в Германии, затем во Франции, а после войны в 1945 году перебрался в Англию. Очень тосковал по России. Тихо скончался в Лондоне...

Помню ещё, что занимался он проблемами теодицеи (от греч. theos – Бог и dike – справедливость), т. е. пытался разрешить противоречия между идеей Бога Всеблагого и Всемогущего и наличием в мире несправедливости и страдания. В чем и преуспел.

Я когда-то в одной из своих работ касался этого вопроса. Мне показалось тогда, что материала на данную тему вполне достаточно. И я не думал, что придётся снова касаться этого вопроса. Ну что ещё? Кажется, основательно он

поработал над вопросами всеединства. Основная идея этого учения – “всё едино, единое же есть Бог” – тоже нашла значительное место в его творчестве. Да, совсем забыл, между делом интересовался спиритизмом, потусторонними силами добра и зла. Духами, их способностью общаться с живущими людьми тоже занимался. Но скажи, кто этим не интересовался. Это не редкость. А вообще-то он энциклопедист. Это уже большая редкость. Вот и все мои познания.

– Не густо. Но уже кое-что. Это не в осуждение. Пойми, я думаю о твоём же благе. По себе знаю насколько трудно входить в творческую лабораторию писателя, когда сталкиваешься с очень своеобразной формой изложения материала. А он был оригинальный мыслитель.

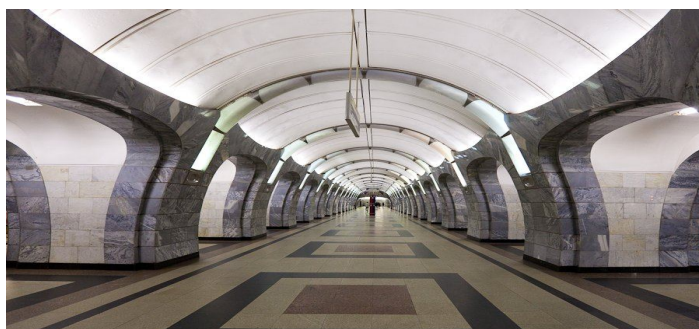
– Я всё ещё не понимаю к чему ты клонишь.

– Видишь ли, прошлой ночью я не в пример тебе действительно встречался с Франком. Мы проговорили часа три. Разговор шел о соотношении науки и религии, точнее философии и религии. Я ещё раньше почувствовал, что мы с тобой в разговоре о чудесах Иисуса Христа и их объяснении с позиций науки где-то допустили методологический просчёт. Хотели мы того с тобой или не хотели, но дело шло к тому (наверно, независимо от нашего желания), что вера в нашей концепции заменялась знаниями, а это шаг к обеднению общественного, а тем более каждого индивидуального сознания. Франк из того мира оказывается наблюдал за нашими изысканиями, огорчился, а может быть даже возмутился, видя наши блуждания, и решил деликатно поправить нас в этом вопросе. Во всяком случае, ни в его голосе, ни в мимике раздражения я во время беседы не заметил... Таких ярких снов у меня давно не было. Утром я встал со свежей головой и сразу же решил приступить к записи основных положений, высказанных Франком. Но тут случилось новое чудо.

– Ну, друг, с тобой не соскучишься.

– Понимаешь, я встал в шесть часов. В половине седьмого уселся за свой письменный комбайн, собрался с мыслями и... Очнулся и пришел в себя только в двенадцать часов. На столе лежали исписанные листы бумаги, в руках была авторучка. Читаю... и о, Боже! Перед глазами дословная запись всей нашей беседы. Так вот, я её немного обработаю и пришлю тебе рукопись для реализации. Уверен, что ты обязательно захочешь включить её в свою книгу. Ты же предварительно изучи работы Франка, которые я тебе сейчас назову. Бери ручку...

Я добросовестно записал всё, что он мне продиктовал, заказал в библиотеке нужную литературу и засел за изучение перечисленных произведений. Через некоторое время мы встретились со Шмелёвым на переходе в метро.

Он ещё раз в картинках пересказал мне свои приключения и передал отчет о случившемся.

Ознакомившись с рукописью, я понял, что мне предстоит большая работа. Нужно было проверить все высказывания Франка по его трудам. Хорошо, что Шмелёв заставил меня перечитать необходимые для дела произведения автора. В процессе работы я с удовлетворением установил, что Шмелёвым при передаче содержания беседы не было допущено ни одной ошибки. В связи с этим напрашиваются два варианта возможного объяснения всего случившегося:

1) во сне в ходе работы подсознания из глубин памяти Шмелёва были извлечены фрагменты трудов Франка, которые мой друг, прорабатывал когда-то прежде и которые впоследствии основательно забыл; опираясь на них, его личный “Морфей” построил спектакль под названием “Интервью, взятое у Франка”;

2) во сне и наяву у Шмелёва проявился эффект психографии; он был приемником, дух Франка передавал информацию.

И тот, и другой варианты вполне возможны. Третий вариант я не хочу даже ставить в один ряд с предыдущими. Вдруг дух Франка на самом деле приходил к Шмелёву. А теперь, пожалуй, пора познакомиться с самой рукописью.

2. Может ли религия стать наукой? (Отчет Шмелёва о встрече с Франком)

После ужина, за которым я не употреблял никаких горячительных напитков, – пишет Шмелёв, – вышел немного погулять. Дул западный ветер. Воздух был так насыщен выхлопными газами, запахами эмульсии, красителей и чего-то ещё, от расположенных рядом подшипникового завода и кожевенной фабрики, что гулять расхотелось. Решил немного поработать. Посидел над книгами и рукописями часа два. Очень быстро захотелось спать. Удивился. Лег в постель на полтора часа раньше установленного срока и сразу же заснул как убитый. Спал без сновидений.

Сквозь сон услышал, как настенные маятниковые часы пробили два часа. Открыл глаза и в кресле у журнального столика увидел сидящую фигуру незнакомого человека. Мелькнула мысль: «галлюцинация». Включил бра. Человек в кресле поднял в приветствии руку и наклонил голову.

Я сразу узнал его и, ничуть не удивившись, обыденно просто произнес: “Здравствуйте Семён Людвигович! Подождите минуточку. Я надену халат, и мы решим все наши проблемы”.

Не знаю, с какой стати я так сказал, но мне почему-то показалось, что мы обязательно будем “решать проблемы”. С этого момента и до конца нашей встречи ничто не говорило о том, что происходящее совершается во сне. Это хочу подчеркнуть особо.

– Хотите кофе, чаю? – Спросил я, чтобы как-то заполнить паузу, возникшую из-за необходимости одеться, прибрать постель и привести себя в порядок.

– Спасибо, вы очень любезны, но какое может быть кофе – ведь я не телесное существо, а дух, и вы это прекрасно знаете, – с грустной улыбкой проговорил Франк.

– А разве духам запрещено употреблять кофе? – Отморозил я несусветную глупость.

– Да, к сожалению, – нисколько не подав вида, что удивлен моей несмышленостью, сказал Франк. – Я в свое время очень любил чай, приготовленный в пузатом тульском самоваре, по-русски с баранками, и вспоминаю о трапезе с удовольствием.

– А скажите, пожалуйста, – спросил я, присаживаясь в кресло напротив, – как там... ну, на том свете?

– Каждый задает подобный вопрос... Матери, себе, бытию, батюшке. Но ни один земной житель не знает ответа на него. И не узнает. Вы, наверное, обратили внимание на то, что ни в одном отчете о спиритических сеансах и встречах с духами нет сведений о духовной жизни в иных мирах и социальной обстановке, царящей на том свете. Не правда ли, создается впечатление, что потусторонние жители хранят какие-то тайны. В действительности никаких тайн нет. Всё дело в том, что для понимания “загробного” мира необходим совсем другой склад мышления, неземной, необыкновенный, я бы сказал, потусторонний. В земных понятиях о том мире объяснить ничего нельзя. Неземные э-э-э... “понятия” соседней реальности пока непостижимы для человечества. Пришедшие к нам в “загробный мир”, как его называют на Земле, всё равно, что новорожденные дети. Они начинают познание новой реальности с самого начала. На земле первое слово – “мама”, на небе – “Бог”. Только общаемся мы между собой не словами, а мыслями. Мысль о Боге совсем не то, что ваше понятие “Бог”. Её невозможно выразить никакими земными словами. Говорить о нашем понимании Бога – дело безнадежное. Это крупинка вещества и целая Вселенная, конечное и бесконечное. Поэтому давайте сразу же приступим к вопросам, ради которых я пришел к вам сегодня.

– Странно всё это. Как бы это вам сказать... Значит, мы будем думать об одном, говорить о другом, подразумевать третье, иметь ввиду четвертое...

– А вы не смущайтесь, на земле это дело обычное. Только при земной жизни на такие “мелочи” мы не обращаем внимания. Привыкли. Будет время подумайте над этим, а не будет, не огорчайтесь – придёте к нам (надеюсь, случится это не скоро) разберетесь, что к чему. И давайте не будем терять время. Я здесь ненадолго. В нашем распоряжении два-три часа.

– А там прокричит петух, и пора домой?

– Представьте себе, так оно и есть. Порядок есть порядок. Итак, цель моего прихода заключатся в том, чтобы высказать свои соображения по вопросу соотношения науки и религии, который вы недавно обсуждали со своим другом.

– Неужели вы в тот момент находились где-то рядом?

– В этом не было необходимости. Я был везде. Как бы вам это объяснить... Нет, не смогу, это словами передать невозможно. Однако время уходит... Начать

наш диалог на заданную тему необходимо, как обычно, с определения основных понятий. У нас это – “философия” и “религия”. Я не помню, чтобы вы и ваш коллега при написании книги вспомнили о первом из них. Принимали как должное. Придется мне восполнить этот пробел. Философия – наука о всем существующем. Ничто не обделено её вниманием. Конечно, она не занимается мелочами. Но наиболее общие закономерности природы, общества, разума всегда входили в сферу её познания... Однако всё это слишком абстрактно и нуждается в конкретизации. Попробую. Вспомню лекции по философии, которые читал в Московском Университете в 20-е годы. Итак, начнем. В ходе развития философских знаний совершался естественный процесс их предметного самоопределения и дифференциации. Сформировались такие философские дисциплины, как **онтология** – учение о бытии (или учение о первоначалах всего сущего), **гносеология** (теория познания, логика, или наука о формах правильного, доказательного мышления), а также **философия истории** (у вас она почему-то называется историческим материализмом; несуразное название), **этика**, **эстетика** и др. (Здесь и далее все выделения жирным шрифтом сделаны мною. – Э. Шм.). Вот теперь, очертив предмет философии, можем перейти к религии. В этом вопросе наша задача значительно облегчается. В письме к Цылёву (это один из наших коллег – Э. Шм.) вы вполне профессионально рассказали о том, что такое религия, раскрыли её сущность, границы предмета и его дифференциацию. Поэтому отошлем ваших будущих читателей к письмам Шмелёва к Цылёву (здесь не приводятся). Согласны?

Определившись с понятиями, займемся вопросами соотношения философии и религии. Начну с цитаты из своей работы:

“Господствующие, наиболее распространённые в широких кругах идеи о философии и религии, идущие от эпохи Просвещения, а отчасти от ещё более давнего направления – от рационализма XVII века, представляют дело так, что между философией и религией не только возможно, но и неизбежно коренное расхождение”.

(РАС: Замечу в скобках, я нашел это и многие другие положения, высказанные Франком во время беседы с Эдуардом Шмелёвым, в работе “Философия и религия”. В свое время она была опубликована в сборнике: София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. Т. 1. С. 5-20, а затем в антологии: На переломе. – М.: Политиздат, 1990. С. 319-335).

Согласитесь, Эдуард Александрович, вы и ваши коллеги тоже придерживаетесь данной точки зрения.

– Да, безусловно. Именно “коренное расхождение”. Но расхождение расхождению рознь. Одно дело, когда, оттолкнувшись, расходятся идеалистическая философия и религия и другое дело, когда в этом акте участвует материалистическая философия и религия.

– Я долго размышлял над соотношением идеализма и материализма, и находясь в земном мире, и по инерции сознания в своей загробной жизни. Противоположность между материализмом и идеализмом условна, поверхностна. Более того, надуманна. Есть различие, но не противоположность. Различие же состоит в том, что идеалисты более откровенны и менее политизированы. Они

своё незнание сущности бытия называют Богом, а материалисты – самодвижением материи – мистическим процессом, непонятным никому, в том числе и им самим. Но ведь это же негласное признание Бога!

У тех и других объективной основой бытия является движение. Всё различие концепций в источнике движения. У первых – это таинственный Бог, у вторых – это загадочное, необъяснимое свойство материи, т.е. какое-то **нечто**. Ни то, ни другое до конца не познаваемо и не доказуемо. Но вера в Бога более плодотворна для развития науки и всего человеческого сознания. Поэтому, разрешите мне сделать прогноз: настанет время, и мы с вами будем разговаривать о духовно-материалистической концепции философии. Исходя из изложенного, я буду вести речь не о частных случаях философии, а о философии вообще... и её соотношении с религией. Итак, начнем.

Вы не заметили, что при сопоставлении философии и религии последняя мыслится наукой “как некая слепая вера, как чужое мнение, именно мнение церковного авторитета, принимаемое на веру без всякой проверки, без самостоятельного суждения личного сознания, лишь на основании детской доверчивости и покорности мысли; и при этом содержание этой веры либо – в лучшем случае – таково, что подлинное знание о нем невозможно, либо даже таково, что прямо противоречит выводам знания”. Какое самомнение со стороны представителей науки! И какое унижение со стороны религии, если её представители покорно принимают данное положение. Вы, наверное, согласны с изложенным. А с моей оценкой? Как всё это выглядит на ваш просвещенный взгляд?

– Я согласен, что наши ортодоксы именно так и рассуждают. А к вашим оценкам вполне можно присоединиться.

– Прекрасно, со взглядом на религию разделились. А как ваши ортодоксы и их противники идеалисты смотрят на философию и оценивают её содержание в сравнении с верой?... Затрудняетесь. Тогда, на поставленный вопрос отвечу сам, если позволите. Философия, по их мнению, есть “свободное, чуждое всяких эмоциональных тенденций, строгое знание, основанное на доказательствах, на логических рассуждениях”. Отсюда следует, что “между той и другой неизбежна роковая пропасть, ничем не заполняемая”.

– И здесь вы, уважаемый Семен Людвигович, абсолютно правы.

– Всегда ли так было? – Не обратив внимания на мою реплику, поставил риторический вопрос известный философ. – “Этому ходячему представлению следует, прежде всего, противопоставить гораздо более древнюю, универсальную и внутренне обоснованную традицию в понимании существа *философии*. Согласно этой традиции, по меньшей мере, *предмет* философии и религии совпадает, ибо *единственный предмет философии есть Бог*. Философия по существу, по целостной и универсальной своей задаче есть не логика, не теория познания, не постижение мира, а *Богопознание*. Таково господствующее понятие философии в античной мысли, проходящее, начиная от Гераклита, через Платона и Аристотеля, стоицизм и новоплатонизм; таково же средневековое понимание философии. И даже в так называемой “новой философии”, насыщенной рационализмом и неверием, величайшие мыслители, наиболее проникнутые

общечеловеческими традициями, придерживаются того же понимания и создают непрерывную преемственность между современной мыслью и её античными и христианскими истоками: достаточно напомнить имена Мальбранша, Спинозы, Лейбница, Фихте, Шеллинга, Гегеля”.

– В целом я согласен с тем, что традиционно у философии и религии Бог был общим предметом познания, а также с тем, что они имели во многом совпадающие задачи – Богопознание. Но некоторые моменты никак не могу принять. Прежде всего, Гераклит, “на наш просвещенный взгляд”, является материалистом. А Спиноза к тому же – воинствующим атеистом. Так меня учили в академии. А в ней нам преподавали доки.

– Это ваш Ленин отнес их к материалистам. Очень важно было великих мыслителей перетащить в свой стан и использовать их имена в качестве противовеса в спорах с “идеалистами”. А ваши доки видели подлог, но пасовали перед официальной идеологией.

– Да я сам читал... Возьмите книгу “Материалисты Древней Греции”...

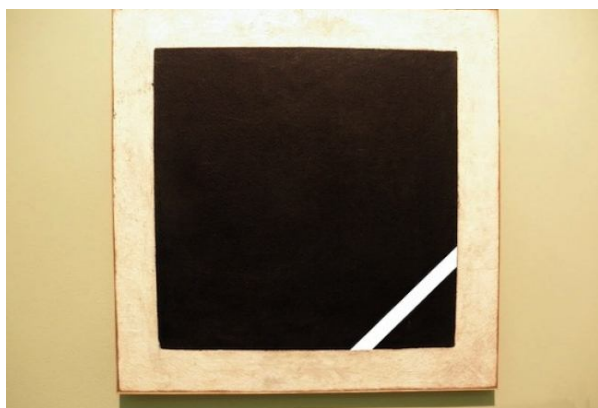
– Взял (в этот момент в руках Франка, как в сказке о Емеле после слов “по щучьему велению, по моему хотению”, оказалась нужная книга), читаю тексты Гераклита: “...Логос существует вечно.., всё совершается по Логосу”. (См. С. 41). Я, надеюсь, вам не нужно объяснять Кто такой Логос. Далее он говорит, что Логос – это “вечное”, “всеобщее”, что всё происходит “по тому же Логосу”. (С. 44). Можно ещё много приводить высказываний о Боге, которые почему-то не заметили ни Ленин, ни его последователи, но я процитирую только два положения:

Первое, “человеческий образ мыслей не обладает разумом, божественный же обладает”. (С. 48).

Второе, “мудрейший из людей по сравнению с Богом покажется обезьяной в отношении мудрости, красоты и всего прочего”. (С. 49).

– В обсуждаемой ситуации упоминание “обезьяны” звучит как намек, – произнес я в растерянности.

– Да, что-то есть... И запомните, Гераклита и Спинозу скорее можно отнести к пантеистам, но уж никак не к чистым материалистам. У вашего Ленина и большевиков не было теней и оттенков, было только белое и черное.

К сожалению, у вас до сих пор не раскрыли скрытый смысл Чёрного квадрата – этого творения Малевича. А мы-то **там у нас** знаем, что это предупреждение о наступлении тёмного периода в нашей истории. А вы ищите какие-то художественные достоинства. Здесь нужно видеть философскую глубину.

Памяти Казимира Малевича.

Чёрный квадрат. 80 лет назад 15 мая 1935 г. не стало Казимира **Малевича**.
Интернет:

https://yandex.ru/images/search?text=чёрный%20квадрат%20малевича%20фото&img_url=http%3A%2F%2Fgigamir.net%2Fstatic%2Fimages%2F174%2F1749073-5.jpg&pos=6&rpt=simage&_id=1444202225153

– Принимаю к сведению. Но при случае, извините, тщательно проверю. Неожиданно всё это. Для меня.

– Обязательно проверьте. Ничто в человеческом обществе нельзя принимать на веру. Особенно в нашей стране, пережившей две эпохи повального грабежа:

при Ленине и Троцком и при Ельцине. Однако мы отклонились. И заметьте, не по моей вине, – в этот момент на лице Франка появилась добрая, несколько виноватая улыбка. – Итак, в древнем мире и средние века, а также у ряда авторов так называемой “новой философии”, общим предметом философии и религии был Бог. И две формы общественного сознания развивались в тесном единстве, обогащая друг друга. Но, заметьте, это было не слияние, а самостоятельное развитие каждой формы сознания в едином нерасчленённом знании, и одновременно обогащение друг друга... – Франк задумался и его тело стало слегка просвечиваться, затем тряхнул головой и снова стал обыкновенным человеком.

– С эпохи Ренессанса, – продолжал Дух Франка из того мира, – началось их расхождение. К настоящему времени между философией и религией образовалась пропасть. Интервал между её сторонами до последнего времени постоянно увеличивался. И не по вине религии... – Семен Людвигович многозначительно помолчал и с нажимом продолжил. – Это оказало исключительно пагубное влияние на развитие философии и науки в целом. Они сделали резкий уклон к техницизму в ущерб гуманизму, человекознанию, витологии. Сейчас в России, после смены курса, обстановка резко изменилась. И общество должно немедленно воспользоваться открывающимися возможностями. Вы с вашим другом почувствовали, что отношение между наукой и религией нужно менять. Это хорошо. Но путь, который вы предлагаете, не приведет к положительному результату. Вы ратуете за наукизацию религии, за проникновение науки в религию, а затем и за слияние религии и науки. Это приведет к повышению самомнения науки и возрастанию гордыни у подавляющей части ученых, находящихся на государственной службе. А там, глядишь, и к подчинению Церкви государству. Поймите, для религии, если она примет вашу концепцию, это будет прямая дорога к потере самобытности,

самостоятельности, а вслед за этим – доверия и уважения к Церкви со стороны не только верующих, но и обычных людей. Не религия должна вобрать в себя науку, а современная наука должна принять в свое тело и сознание основополагающий мировоззренческий, более того, методологический принцип – положение о существовании Бога-Творца. Другими словами принцип всеединства должен стать категорическим императивом науки, важнейшим инструментом её познания мира, живой природы, общества, человека, психики. Пространство, на котором должны меняться отношения между философией и религией находится не в сфере религии, не между ними, а в области философии и науки. Поймите, религия не поле для упражнений философов. Это сфера заветного, личного; здесь Бог и каждый человек в отдельности решают свои вопросы; здесь тайна индивидуальности; здесь решаются не вопросы познания, а разрешается самый жгучий вопрос человеческого бытия – спасение...

Потому так важно уяснить себе с самого начала и учитывать в своей деятельности, что в действительности философия и религия имеют совершенно различные задачи и суть, *различные* по существу формы духовной деятельности. Повторюсь, ещё и ещё раз. Не из любви к словесности, а потому что считаю это стержнем всей проблемы: “Религия есть *жизнь в общении с Богом*, имеющая целью удовлетворение личной потребности человеческой души *в спасении*, в отыскании последней прочности и удовлетворенности, незыблемого душевного покоя и радости”. – Франк остановился и по лицу его разлилось умиротворение. Затем тряхнул головой и продолжил уже в лекторской тональности. – “Философия есть, по существу, совершенно независимое от каких-либо личных интересов *высшее, завершающее постижение бытия и жизни* путем усмотрения их абсолютной первоосновы. Но эти, по существу, разнородные формы духовной жизни совпадают между собой, – здесь голос Франка приобрел не свойственную ему категоричность, – совпадают в том отношении, что обе они осуществимы лишь через *направленность сознания на один и тот же объект – на Бога*, точнее, через живое, опытное усмотрение Бога”.

– Итак, – решил я проверить правильность своего понимания сказанного, – философия и религия должны усилиями сознания и воли направить свой аппарат отражения мира (т. е. ощущения, сознание) на один и тот же предмет познания – Бога и Вселенную, и в то же время поставить перед собой различные по содержанию задачи. Это у нас с моим другом не вызывает возражения. Мы сами к этому пришли. Но остаются неясности...

– Вы правильно заговорили об аппарате отражения и его механизмах – ощущениях, сознании, воле. У религии и философии не только единый Предмет познания – Бог, но и единый инструмент восприятия мира – “отражение”, именно оно, и здесь нет ничего другого. Отсюда материя определяется как объективная реальность, данная нам в ощущениях; отраженная в нас через ощущения. Бог есть объективная и субъективная реальность, данная каждому из нас в своих собственных ощущениях, отраженная через них в нашем сознании. Ну, а на индивидуальном строится всё общественное...

– Именно это я и хотел сказать. Но опять же, остаются неясности... и-и-и всевозможные трудности.

– В методе познания? Правильно! Трудностей много, даже очень много. Откуда это идет? «Современному сознанию, даже если оно мыслит в понятиях, близких к вышеизложенным соображениям, представляется маловероятным или даже совершенно невозможным, чтобы то **абсолютное**, которое в философии нужно как высшая логическая категория, объединяющая и упорядочивающая теоретическое постижение бытия, совпадало с живым личным Богом, которого требует и которым одним только может удовлетвориться религиозная вера.

Два сомнения возникают здесь, которые с разных сторон выражают, в сущности, одну и ту же трудность. С одной стороны, религиозная идея Бога, по-видимому, противоречит целям философии в том отношении, что предполагает в природе Бога и потому в живом отношении к Богу момент *тайны*, *непостижимости*, неадекватности человеческому разуму,

тогда как задача философии именно в том и состоит, чтобы до конца *понять и объяснить* первооснову бытия. Всё логически доказанное, понятое, до конца ясное, уже тем самым лишается своей религиозной значимости.

Бог, математически доказанный, не есть Бог религиозной веры. Отсюда представляется, что, если бы даже философия действительно познала истинного Бога, доказала Его бытие, разъяснила Его свойства, она именно этим лишила бы Его того смысла, который Он имеет для религии, т. е. убила бы самое драгоценное, что есть в живой религиозной вере. Таково сомнение многих религиозных натур, которым часто кажется, что чем более философия религиозна по своему предмету, т.е. чем упорнее она занята логическим постижением Бога, тем она опаснее для цели религии – для живого, верующего обладания неизследимым и неизреченным источником спасения. И тот же ход мыслей приводит иногда философию к убеждению, что её истинная задача – *понять Бога*, тем самым уничтожить ту безотчетность и таинственность Его, которая придает религии характер интимной веры; философия есть в этом случае, как у Гегеля, замена безотчетной, инстинктивной веры ясным знанием – *преодоление веры знанием*. Как нельзя одновременно переживать радость живой любви к человеку и брать того же человека как объект холодного научного анализа, так нельзя одновременно веровать в Бога и логически постигать Его”.

– Мне сейчас кажется, что научное доказательство существования Бога, осуществленное моим другом (он называет Его Мировым Сознанием) высушивает живое представление о Боге, хотя и преследует благие цели.

– Правильно. Более того, есть ещё одно обстоятельство. “В ином аспекте эта же трудность принимает форму другого сомнения. Бог религиозной веры, источник личного спасения, необходимо есть живая личность. Но, по-видимому, из всех категориальных форм, в которых может мыслиться центральное философское понятие первоосновы бытия, наименее подходящей является именно форма *живой личности*. Мыслится ли Бог в философии как субстанция мира или как его первопричина, как всеединая вечность или как творческая сила развития, как **мировой разум** или как жизнь, **он есть, во всяком случае, что-то безличное** (выделено нами – РАС), какое-то в известной мере всегда пантеистически-мирообъемлющее начало, в котором философия, не изменяя своей задачи постижения и логического осмысления бытия и не приспособляясь искусственно к требованиям религиозного чувства, не может усмотреть антропоморфных черт живой, карающей и любящей личности, необходимых для религиозного отношения к Богу. Роковым образом, независимо от содержания отдельной философской системы, Бог философии носит на себе печать своей зависимости от нужд отвлеченной мысли и именно поэтому есть для религиозного чувства лишь иллюзорный суррогат истинного Бога – мертвый камень вместо хлеба, насыщающего голод религиозной души, или, в лучшем случае, ни к чему не нужная, туманная, бесплотная тень того истинно-сущего, которым во всей полноте и жизненности Его реальности уже обладает непосредственная религиозная вера”.

– Признаюсь мне спросонья трудно сразу уловить ваши мысли, но, поверьте, я очень стараюсь. Вижу, что трудности в философском познании Бога есть великие, а главное, что с философскими знаниями о Боге ни в коем случае нельзя вторгаться в религию. Тем более на чем-то настаивать, в чем-то убеждать. Но ведь наука иначе не умеет. Агрессивность науки не имеет предела. Теперь мне понятны наши заблуждения и ваши опасения... Одно мне ясно, ни в коем случае философия и религия не должны выходить на ринг и доказывать там свою правоту. Их цели не противоречат одна другой. Они обе служат человечеству. И дай тому Бог, чтобы их искания приносили только пользу.

– Простите милосердно, – проговорил Франк и его тело начало истончаться; через несколько секунд оно растаяло совсем.

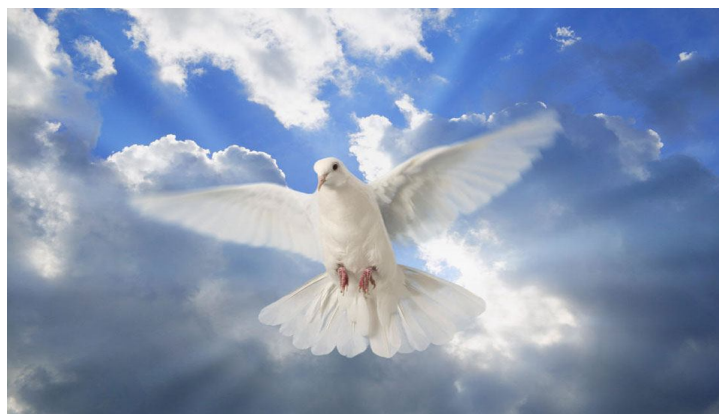
Я встал, подошел к диван-кровати и, не раздеваясь, рухнул в постель. Проснувшись утром, я сначала не мог понять, почему я сплю одетым. Постепенно в памяти всплыло всё происшедшее со мной ночью.

Конец отчета. [Дата. Подпись:] Шмелёв.

Послесловие

Признаюсь, с первого раза я не все понял в рассуждениях Франка. Глубина некоторых положений его концепции осталась недоступной моему сознанию. Только потом я разобрался, что к чему. Но общая установка – наука и религия

должны быть самостоятельны и формально независимы друг от друга – была понята и принята мною сразу и безоговорочно. Действительно, свобода есть

необходимое условие самобытного развития всякого явления природы, общества, мышления. Как только в дело грубо вступает сила, в любой её форме, начинается деформация. Религия и философия должны обладать полной свободой выбора из окружающего богатства, дарованного Природой и создаваемого человеком.

Требование независимости друг от друга должно соблюдаться не только в отношениях религии и философии, но и в их отношениях с политикой. Последняя особенно агрессивна. Вспомните демарши некоторых членов Комиссии РАН по борьбе с так называемой «лженаукой». Царствие им Небесное. С нею нужно быть постоянно начеку. Поэтому в нужный момент религия и философия должны объединяться. Борьба за свою свободу настоятельно требует этого.

При повторном чтении отчета в отдельных местах, где идут пространные рассуждения Франка, у меня не раз появлялось желание сделать небольшие сокращения. Однако Шмелёв категорически воспротивился этому. Бог ему судья. Спорить с ним в таких случаях не только бесполезно, но и опасно. Однажды он снял свой материал из престижного ежегодного издания “Наука и человечество”, не согласившись с требованиями редактора. Такой пассаж мне был бы крайне неприятен. Пусть остается всё как есть.

Москва. 7 октября 2015 г. Подробности на сайте Профессор РАС.